

В самый последний миг, прежде чем коснуться земли, Лян Шу рванул его обратно к себе.

— Вперёд!

Тёмный Цзяо летел, будто подхваченный ветром, и остановился лишь на горной развилке. Вдалеке, сквозь тонкую пелену тумана, уже проступали очертания стен Города Алых Облаков.

Лян Шу спрыгнул с коня. Лю Сюаньань как раз «кстати» проснулся и последовал за ним. Он достал из кармана два куска ткани, пропитанные лечебным дымом, — ими можно было прикрыть рот и нос. Лян Шу взял один и, заметив пристальный взгляд собеседника, спросил:

— Что-то не так?

Второй сын Лю молча покачал головой.

Но иногда кивок не обязательно означает «всё в порядке». Бывает, что что-то есть, но говорить не хочется. Лян Шу не понимал, как за время этой поездки у того появился этот всепроницающий взгляд отшельника, и вновь нахмурился:

— Так над чем ты усмехаешься?

— Да ни над чем, — неспешно поправив повязку и затянув её на затылке, ответил Лю Сюаньань. — Просто наконец удалось точно сосчитать пульс Вашего Высочества. Ровный, спокойный. Старые раны не беспокоят. Так что впредь генералу Гао и госпоже Чэн не стоит излишне тревожиться.

Лян Шу: «...»

Он забыл.

Значит, пока они скакали, этот человек сидел, выпрямившись и прижавшись к его груди, с полузакрытыми глазами, подобно погружённому в медитацию старцу, выглядел отрешённым от мирской суеты, а на самом деле всё это время втихомолку считал удары сердца?

Вот наглость!

Лю Сюаньань поднял голову:

— Ваше высоче... М-мф!

Он внезапно и совершенно неподготовленно взмыл в воздух, перевернулся, и его рот оказался наглухо зажат, не давая издать ни звука. В вихре головокружительного полёта он уже лежал, пригнувшись к огромному валуну.

Лян Шу крепко прижал его, тихо приказав:

— Не двигайся. Кто-то есть.

Кто-то? Сердце Лю Сюаньаня забилось чаще. Он немного успокоился, закрыл глаза, прислушался — и правда, шаги раздавались всё ближе.

«Тук. Тук».

Спустя мгновение послышался шорох, и из леса вышел мужчина. Дюжий, одетый как охотник,

за спиной — лук и длинный нож. В левой руке он нёс капкан, в правой — трёх фазанов, а к поясу был привязан окровавленный мешок, капавший на землю. Видно, добыча была богатой.

Он не оглядывался по сторонам, а быстрым шагом спускался с горы, словно очень спешил, и вскоре растворился в густых сумерках.

Лю Сюаньань предположил:

— Может, это горожанин, который из-за нехватки еды рискнул пойти в горы на охоту?

— Проследим за ним, — сказал Лян Шу.

Лю Сюаньань кивнул, встал и засеменял вперёд, полы его одежды развевались на ветру, чуть не зацепившись за сук.

Лян Шу, не тратя слов, обхватил его за талию, взвалил на плечо и ринулся вниз по склону.

— А-а!

— Тихо!

И на этом тема сердцебиения была окончательно исчерпана.

— Кх-кх! — Живот Лю Сюаньаня врезался в твёрдое плечо Лян Шу, казалось, внутренности вот-вот сплющит. Чтобы хоть немного вздохнуть, он изо всех сил ухватился обеими руками за одежду несущего, стараясь приподнять корпус, и задрал подбородок, напоминал несчастную крупную рыбу, отчаянно пытающуюся вырваться.

Лян Шу проигнорировал его потуги, лишь сильнее сжал руку, пока наконец у самого уха не раздался слабый, едва слышный шёпот:

— Сейчас блевану.

Только тогда он разжал хватку.

Лю Сюаньань, пошатываясь, шлёпнулся на землю, одной рукой ухватился за дерево, согнулся и долго отходил. Когда же наконец поднял голову, глаза его были полны слёз, лицо мертвенно-бледным, а мокрые пряди волос прилипли ко лбу — словно только что вытащенная из воды жалкая бесплотная душа.

Но, клянусь небом и землёй, на сей раз Лян Шу не имел никакого умысла, а потому и сам был изумлён. Однако изумление изумлением, а Его Высочество князь Сяо не из тех, кто станет каяться. Он лишь холодно и величественно поднял Лю Сюаньаня на ноги и милостиво изрёк:

— Мы уже на месте.

Уже на месте? Лю Сюаньань оглянулся и увидел, что городские ворота совсем рядом.

Он глубоко и с облегчением вздохнул.

Охотника окутывал густой туман, превращая в размытую тень, плывущую вперёд, — колышущуюся, словно призрак. На зубцах стены сидело несколько воронов, и их карканье, разносимое ветром, наполняло окрестности скорбным эхом. В холодном воздухе гуляло эхо, два потрёпанных фонаря раскачивались из стороны в сторону. Казалось, всё в этом городе было

пропитано жуткой, зловещей аурой.

Охотник не почуял, что за ним следят. Он, зная каждый поворот, обогнул ворота, трижды гулко постучал и протиснулся внутрь.

Ворота тут же захлопнулись.

Лян Шу, прихватив Лю Сюаньаня, в два прыжка взметнулся на стену, а затем, словно лёгкая тень, бесшумно спустился вниз. На сей раз он обращался с ним куда человечнее — возможно, опасаясь, что тот и вправду его опорочит. А второй сын Лю, в свою очередь, получил невиданное удовольствие, даже показалось, что тот полёт был весьма изящен. Хотя дух его и привык свободно странствовать между небом и землёй, тело же впервые так ощутимо оторвалось от земли. В тот миг, когда пейзаж вокруг сменился, а ветер наполнил рукава и полы одежды, он испытал необычайную лёгкость.

Жаль лишь, что момент был неподходящий, и дух его по-прежнему оставался в плену мирской суеты, не имея возможности воспарить в свободе.

Едва они вошли в город, воздух сразу же наполнился густым, стойким запахом лекарств. Лю Сюаньань на мгновение отодвинул повязку, внимательно вдохнул и сказал:

— Обычные травы для очищения от жара и токсинов, успокоения кашля и одышки. Похоже на то, что А-Нин заготовил в дороге. Но ситуация в городе... — он огляделся, — куда лучше, чем я предполагал.

Улицы оставались чистыми, не было ни полчищ крыс, ни разбросанных повсюду тел, не слышалось стонов и плача — совсем не так, как описывали крупные эпидемии в медицинских книгах. Если бы не повсюду видневшиеся лекарственные отходы и известь, уксусный запах в воздухе да разноцветные бумажные обереги от мора, развешанные вдоль улиц, это был бы самый обычный город.

Лю Сюаньань вновь спросил:

— А куда же подевался тот охотник?

Лян Шу взял его за руку и свернул в другой переулок. Вскоре они увидели, как охотник пробежал вперёд, по пути снимая с пояса добычу и швыряя её через низкую стену. Раздалось глухое «бух-бух» — фазаны упали во двор. Охотник, облегчённо вздохнув, повернулся и побежал дальше, пока не скрылся в большом общем дворе. Там он наспех умылся холодной водой из стоявшего в углу таза и отправился в комнату отдыхать.

— Значит, здесь его дом, — сказал Лю Сюаньань, а затем задумался. — Но охотился он не для себя. А тот двор выглядел бедным — вряд ли там живут богачи, способные нанять охотника.

Они вошли в большой двор. Из восточного флигеля доносился оглушительный храп, на ступеньках сушились бобы и соленья. Лян Шу приоткрыл дверь на кухню. Лунный свет, лившийся из окна, ярко освещал всё внутри. Очаг был слегка захламлён, но это был обычный житейский беспорядок. В кадке был рис, в кувшине — масло, а в миске лежали несколько грубо приготовленных, но мягких пампушек.

В городе не было нашествия крыс, и с продовольствием тоже проблем не наблюдалось.

— Но эпидемия, похоже, и вправду есть, — сказал Лю Сюаньань, присев на корточки и взяв

щепотку сухих лекарственных отходов, сваленных в углу. Он положил их в маленький холщовый мешочек, который всегда носил с собой, чтобы позже изучить подробнее.

Покинув большой двор, они заглянули ещё в два-три дома. Везде на кухнях были и рис, и мука. В одном из домов в окне горел свет, и молодая пара суетилась у очага, жарила лепёшки в масле, а воздух наполнял сладковато-масляный запах мёда. Слышно было, как муж торопил жену побыстрее, а то не успеют к утру, когда солдаты пойдут в горы.

— Солдаты идут в горы — скорее всего, из-за эпидемии, — пояснил Лю Сюаньань, когда они отошли в безлюдное место. — Собрать всех больных в одном месте, подальше от города, — это и оставшихся здоровых уберёжёт, и врачам осматривать и лечить будет удобнее. По крайней мере, в этом господин Ши действует на совесть.

С улицы напротив донёся стук колотушки ночного сторожа. Они юркнули в другой переулок — такой узкий, что человеку потолще пришлось бы идти боком. На земле по-прежнему была рассыпана известь и лекарственные отходы. Из-за высоких стен доносился гул голосов.

Лян Шу поднял Лю Сюаньаня на стену, затем перенёс его на карниз и, прижав его голову, приказал:

— Пригнись!

Второй сын Лю:

— Ай. — Связки болят.

Лян Шу постучал костяшками пальцев по его лбу, веля молчать, и бесшумно приподнял черепицу.

Лю Сюаньань послушно затаил дыхание. Опыта жизни в речных и озёрных кругах у него не было, зато опыт чтения пьес и романов имелся.

Это была большая мастерская по изготовлению лекарств.

<http://bllate.org/book/16268/1464096>